

## Рецензия на книгу Мануэля Кастельса «Власть коммуникации»

### Book Review: *Communication Power*, by Manuel Castells

*Keywords:* communication practices; digital communication; network communication technology; political power; social order; hybrid communication.

**Кастельс М.** Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., доп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 591 с. — ISBN 978-5-7598-1556-3.

Книга одного из крупнейших социологов современности Мануэля Кастельса представляет собой поистине энциклопедию «работы» власти в современном мире, пронизанном медиа. Автор дает практически исчерпывающее представление как о современном политическом процессе, существующем только через посредство медиа, так и об используемых последними способах привлечения общественно-го внимания (самого дорогого ресурса сегодня!). По мнению автора, одним из наиболее популярных способов привлечения внимания в политической сфере оказывается скандал. Кастельс отталкивается от последних достижений нейронауки в изучении эмоционального интеллекта, позволяющих успешно применять всевозможные техники воздействия на зрителя / читателя / слушателя: так называемую каскадную активацию, фрейминг, прайминг и другие методы. Подтверждение своим идеям он находит в американских реалиях и политических процессах в разных странах мира. Особый интерес представляет заключительная глава, посвященная первой президентской избирательной кампании Барака Обамы, успех которой в решающей степени

был обусловлен прорывным решением его избирательного штаба активно использовать социальные медиа.

Центральная идея книги состоит в демонстрации того, что властные отношения, лежащие в основе общественных институтов, формируются в сознании людей преимущественно в ходе процессов коммуникации. Автор считает, что влияние на умы, формирование сознания — более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия. Коммуникативные практики включают в себя два вида коммуникации: межличностную и опосредованную. С наступлением эпохи цифровых коммуникаций трансформация коммуникации и последующие изменения в культуре глубоко затронули способ функционирования властных отношений.

По мнению автора, важнейшей трансформацией, произошедшей за последние годы в коммуникационной сфере, стала переориентация массовой коммуникации в сторону самокоммуникации. Этот сдвиг понимается как процесс не только интерактивной коммуникации, потенциально доступной для массовой аудитории, в рамках которой пользователь производит сообщения

самостоятельно, но и обратного хода (возврата) сообщений. Само же восприятие и реструктурирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, осуществляется произвольно.

С организационной точки зрения, рост однонаправленной массовой коммуникации, наиболее типичный представитель которой — традиционные телевизионные сети, обусловлен возникновением крупнейших медийных бизнес-конгломератов. В отличие от нее, массовая самокоммуникация, ставшая возможной благодаря Интернету и мобильным сетям коммуникации, изначально возникла на основе децентрализованных коммуникационных сетей. Однако по мере того как Интернет расширял свою «территорию», крупные корпорации осваивали и подчиняли себе интернет-бизнес, а глобальные телекоммуникационные компании создавали мобильные платформы коммуникации. В книге показано, что горизонтальные коммуникационные сети и традиционные формы однонаправленной массовой коммуникации (телевидение, радио, печатная пресса) все более совмещаются друг с другом. Они образуют гибридную коммуникационную систему, использующую гибкие цифровые технологии для перехода от унифицированного шаблона «гипертекста» к диверсифицированному, индивидуализированному «моему тексту» (мой гипертекст, мой прайм-тайм, произвольно отобранное мною сочетание образов и слов). Таким образом, даже если вселенная Интернета и находится под влиянием крупных бизнес-конгломератов и до известной степени регулируется правительствами, она фактически остается совершенно особым типом коммуникации, характеризующимся значительной автономией. Это возможно потому, что цифровые

сетевые технологии позволяют индивидам и организациям генерировать собственные сообщения и контент и распространять их в киберпространстве, по большей части избегая контроля корпораций и бюрократических структур. Доказательством тому служит экспансия и трансформации интернет-компаний, прежде всего расцвет социальных сетей, таких как *Friendster*, *Facebook*, *YouTube*, *Twitter* и множество других, которые начиная с 2002 г. преобразовали социально-организационный ландшафт горизонтальных сетей коммуникации во всем мире. Для большинства представителей нового поколения защита свободного доступа к интернет-сетям стала приоритетной по сравнению с любой другой потребностью, поскольку свободная коммуникация — это необходимое условие для важнейших практик и переживаний, от музыки до политики, от предпринимательства до эмоционального общения.

Кастельс доказывает, что свободная коммуникация — самая подрывная практика из всех возможных, поскольку она бросает вызов властным отношениям, укорененным в общественных институтах и организациях. Во всех сферах жизни официальным институтам бросают вызов те, кто чувствует себя угнетенными, недооцененными, эксплуатируемыми и униженными. Их требования вступают в конфликт с принуждающей мощью институтов, а также с навязчивым влиянием доминирующего мировоззрения, которое легитимирует укоренившиеся формы властных отношений. Коммуникационная сфера оказывается драйвером социальных перемен. Именно поэтому политическая власть и социальный порядок основываются на эффективности контроля над процессом коммуникации, над доминирующими акторами, будь то проповедь с кафедры,

редакционная политика газеты или телевизионные программы. Однако взаимоотношения коммуникации и власти в этих обстоятельствах становятся куда более неопределенными, не скованными жесткими правилами — дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире.

Несмотря на формирующуюся культуру автономии в системе коммуникаций, политические кампании по-прежнему зависят от медиаполитики, сконцентрированной в массмедиа, в особенности от политики скандалов как излюбленного приема политической войны. Правительства, пользуясь полномочиями регулятора, преуспели в сохранении СМИ в качестве своей пропагандистской машины в обмен на уступки медиабизнесу. Продолжается манипулирование информацией: правду о войне и мире, жизни и смерти по-прежнему утаивают от граждан. Политику создают и проводят деньги, которые тратятся главным образом на развертывание медиакампаний и проведение информационной политики. Прежде всего, это таргетирование избирателей (выделение целевой аудитории) с помощью изощренных методов, таких как построение базы данных, основанной на краже личной информации. Гражданам приходится вырабатывать собственную позицию, продираясь сквозь лабиринт политических шоу и сфабрикованных образов, формирующих их представления.

Интернет никогда не был настоящим противоядием от этой внушающей предубеждения ангажированной коммуникационной системы, поскольку он вобрал в себя также и новые стратегии, освоенные политиками после изначально неверного восприятия этого медиума, который они на первых порах пытались использовать по аналогии

с телевидением. Вместе с тем Интернет превратился в столь же важный инструмент институциональной политики, что и телевидение. В определенном смысле его роль сегодня даже важнее, поскольку телевидение фокусируется главным образом на избирательных кампаниях и на ключевых событиях, привлекающих внимание медиа, таких как внутренние и международные кризисы, тогда как Интернет обеспечивает постоянный ежедневный контакт граждан с политикой. По мнению автора, не стоит думать, что Интернетом пользуются только представители социальных движений, а массмедиа — удел преимущественно доминирующих элит. Мы живем в мире гибридной коммуникации, в котором различные режимы коммуникации постоянно пересекаются. Но в то же время распространение горизонтальных сетей коммуникации оказало воздействие на практики власти, усилив влияние гражданского общества и неинституциональных социально-политических акторов на форму и динамику властных отношений.

Данная книга являет собой анализ взаимодействия власти и контрвласти. Власть исходит главным образом от институтов, контрвласть — от гражданского общества. Автор считает, что существует принципиальное различие между политическими процессами в эпоху господства газет и в эпоху радио, а тем более телевидения. Не менее существенно и различие (о котором идет речь в настоящей книге) между властью, опирающейся на массовую коммуникацию, и возникшей благодаря Интернету автономной возможностью бросать вызов политическому порядку.

В книге приведены два важных примера, иллюстрирующих сдвиг во взаимодействии между властью и контрвластью в мире цифровых

сетей коммуникации. Первый — это вызов, брошенный международной организацией *WikiLeaks* обстановке секретности в правительстве и манипуляциям информацией во внутренних и международных делах. Секретность всегда была главным инструментом любого правительства, законного или незаконного, с помощью которого оно принимает решения от имени своих граждан, не ставя их при этом в известность о положении дел. Благодаря работе *WikiLeaks* по разоблачению действий правительства, касающихся всех граждан, но утаиваемых якобы из соображений национальной безопасности и вследствие этого недоступных общественному надзору, у граждан появились новые возможности контролировать своих представителей. Второй пример — это рост в 2010—2012 гг. социальных движений протеста против несправедливости действующего социального порядка и недемократических политических практик в более чем ста странах и тысячах городов по всему миру. Представители этих социальных движений, используя Интернет и беспроводные средства связи, выстроили автономный процесс коммуникации, приведший к самокоммуникации и самоорганизации и, в конечном счете, к существенным сдвигам на множестве уровней в политических системах и в общественном сознании.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения, в котором автор делает некоторые выводы — прежде всего о том, что технология и морфология сетей коммуникации существенно влияет на процесс мобилизации, а тем самым и на социальные перемены. Подъем цифровых сетей коммуникации (как преобладающей формы опосредованной человеческой интеракции) создает в самом сердце сетевого общества новое пространство, в котором происходит формирование социальных движений XXI в. Таким образом, главная задача книги «Власть коммуникации» — заложить теоретические основы для понимания направленности социальных и политических изменений нашего времени. Это пока еще гипотетические основы, которые только предстоит сопоставить с историческим опытом, увековеченным в научных исследованиях.

Несмотря на сугубо академический характер (только библиография занимает 48 страниц), множество диаграмм и таблиц — что делает книгу незаменимым подспорьем в профессиональной практике политологов, прекрасным компендиумом и «точкой роста» для студентов, — она представляет значительный интерес и для широкой читательской аудитории, поскольку написана увлекательно и прекрасным языком.

*Сост. канд. филос. наук, доцент  
Н. П. Кнехт*

*Compiled by N. P. Knekht,  
Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor*